M 104/143

Ж 104/143.

І. А. Любичъ-Кошуровъ.

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ.

РАЗСКАЗЪ

изъ жизни насѣкомыхъ

съ рисунками П. Е. Литвиненко.

Цѣна 30 коп.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Торговаго Дома С. КУРНИНЪ и К°

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Тверского подворья.

І. А. Любичъ-Кошуровъ.

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ.

РАЗСКАЗЪ

изъ жизни насѣкомыхъ

съ рисунками *П. Е. Литвиненко.*

Цѣна 30 коп.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Торговаго Дома С. КУРНИНЪ и К°.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Тверского подворья.

Дозволено цензурою. Москва, 21 января 1904 года

МОСКВА.
Типо-литографія „Русскаго Товарищества печатн. и издат. дѣла“.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
1904.

Глава I.

Комаръ-капельмейстеръ и комары-капельдинеры.

— Дз-з-зъ,—прозвенѣлъ одинъ комаръ.

— Дз-з-зъ,—прозвенѣлъ другой.

Они летѣли навстрѣчу другъ другу.

Читатель, разумѣется, незнакомъ съ комаринымъ языкомъ, поэтому я долженъ ему пояснить, что это ихъ *дзиньканье* означало, съ одной стороны:

— Добрый вечеръ!..

А съ другой:

— И вамъ того же!

Затѣмъ, комары, каждый протянулъ хоботокъ другому, какъ то дѣлаемъ мы при встрѣчѣ, подавая другъ другу руку для пожатія, и оба разомъ сказали—одинъ:

— Очень пріятно, Сидоръ Сидоровичъ.

А другой:

— Весьма пріятно, Василій Петровичъ.

Одного изъ комаровъ звали Васильемъ, а другого Сидоромъ.

Во время комариныхъ концертовъ они обыкновенно исполняли роль капельдинеровъ.

Они, разумѣется, также могли бы участвовать и въ оркестрѣ, но нельзя же въ самомъ дѣлѣ было всѣмъ комарамъ быть музыкантами.

Тогда бы могло получиться Богъ

знаетъ что такое: во-первыхъ, въ публикѣ царствовалъ бы полнѣйшій произволъ и безпорядокъ, а, во-вторыхъ, многіе изъ застѣнчивыхъ, напримѣръ, бабочки и мелкія мушки, такъ никогда и не попали бы на приготовленныя для нихъ мѣста.

Сидоръ съ Василіемъ во время концертовъ наблюдали за порядкомъ.

По вечерамъ въ саду можно было видѣть комара-капельмейстера, безукоризненно причесаннаго, надушеннаго пыльцей жасмина (жасминъ были его любимые духи), тонко перетянутаго въ таліи...

Комаръ-капельмейстеръ леталъ по саду и кричалъ тоненькимъ звенящимъ голоскомъ:

— Си-и-и-доръ! Ва-си-и-илій!

И всѣ мошки, жучки и бабочки, которые въ это время случались въ саду, переговаривались другъ съ другомъ иногда шопотомъ, иногда довольно громко:

— Слышите, слышите, уже мосье Жоржъ кличетъ капельдинеровъ... Ахъ

они бездѣльники, и куда они только запропастились!

Комара-капельмейстера звали мосье Жоржъ.

Онъ разсказывалъ всѣмъ, будто онъ французъ, но это, конечно, враки... Жоржемъ онъ прозвалъ себя самъ, а въ паспортѣ у него стояло: подольскій мѣщанинъ Григорій Комаръ...

Какъ бы тамъ ни было, никто не умѣлъ такъ восхитительно держать въ лапкахъ дирижерскую палочку, стоя на эстрадѣ, и отбивать тактъ этой палочкой по пюпитру и въ то же время граціозно наклонять корпусъ то въ сторону басовъ, то въ сторону теноровъ или альтовъ.

Вообще про мосье Жоржа, если бы вы его увидѣли когда-нибудь, вы бы непремѣнно сказали:

— Вотъ уже это капельмейстеръ, такъ капельмейстеръ!

И этому-то безспорно необыкновенному комару приходилось постоянно воевать съ Сидоромъ и Василіемъ.

Сидоръ и Василій не ставили его ни въ грошъ.

Они прекрасно исполняли свои обязанности на концертахъ, но до чего трудно было ихъ разыскать и притащить подъ липу, гдѣ обыкновенно устраивались концерты!

Иногда мосье Жоржъ, тщательно проискавъ ихъ по всему саду, усталый, охрипшій, съ высунутымъ отъ усталости хоботкомъ, останавливалъ перваго попавшагося ему навстрѣчу жучка и, сложивъ на груди лапки, говорилъ почти съ отчаяніемъ:

— Помилосердуйте! Да что же это такое!

— Гляжу я на него разъ такъ-то, — разсказывалъ про него одинъ ночной жукъ,—а у него на глазахъ слезы... Понимаете, вотъ этакія слезы—съ горохъ...

Вытеревъ слезы (потому что это вѣрно: капельдинеры доводили его до слезъ), мосье Жоржъ принимался ругаться:

— Дз-з-зъ... Дз-з-зъ...

Онъ былъ воспитанный комаръ и никогда не употреблялъ ругательныхъ словъ, а ограничивался только сердитымъ дзиньканьемъ.

Затѣмъ опять начиналъ кричать:

— Ва-си-и-и-лій! Си-и-идоръ!

А Василій съ Сидоромъ сидѣли гдѣ-нибудь тутъ же неподалеку и разсказывали другъ другу о своихъ приключеніяхъ за день.

— Вы, Сидоръ Сидоровичъ, знаете, тутъ есть одна бесѣдка надъ прудомъ...

— А... это, что около тополя... Знаю...

— Хмъ...

И Сидоръ, придвинувшись къ пріятелю поближе, шепталъ ему на ухо:

— Шея—вотъ такая... красная, какъ кирпичъ...

Откачнувшись немного на сторону, Сидоръ вперялъ въ него вопросительный взглядъ.

— Дворникъ...—говорилъ Василій и многозначительно приподнималъ лапку.—О,—продолжалъ онъ растроганнымъ голосомъ, какъ будто дворникъ для него былъ и не вѣсть что: родной отецъ или близкій родственникъ.

— О, вы себѣ представить не можете...

— Полнокровный!—перебивалъ его Сидоръ.

— Говорю же вамъ,—съ жаромъ заканчивалъ свою рѣчь Василій,—какъ я сѣлъ къ нему на шею, такъ и просидѣлъ, пока онъ меня чуть-чуть не раздавилъ ладонью.

— Бываетъ,—мрачно замѣчалъ Сидоръ,—особенно, если днемъ...

Но Василій протестовалъ.

— А если въ тѣни?..

— Въ тѣни-то еще туда-сюда.

— Ну вотъ то-то... А въ бесѣдкѣ-то постоянно тѣнь.

На минуту они умолкали.

Кругомъ нихъ тоже было тихо.

И вдругъ громко на весь садъ раздавался охрипшій голосъ мосье Жоржа:

— Си-и-идоръ! Василій!

— Ишь, надсаживается,—говорилъ Сидоръ.

— Охрипъ совсѣмъ,—замѣчалъ Василій.—Надо итти...

Являясь на зовъ мосье Жоржа, они постоянно употребляли одинъ и тотъ же маневръ: одинъ оставался сидѣть на мѣстѣ, а другой улеталъ въ противоположный уголъ сада...

Потомъ Сидоръ кричалъ:

— Я здѣсь.

Сейчасъ же вслѣдъ за нимъ откликался и Василій

— Я тутъ.

— Сюда! сюда! — кричалъ мосье Жоржъ.

Они подлетали къ нему и говорили:

— А мы васъ давно ищемъ...

При этомъ они начинали тяжело дышать и высовывали свои хоботки совсѣмъ, какъ мосье Жоржъ.

— Устали, васъ искавши, — говорили они и отдувались сначала одинъ, а потомъ другой:

— Уфъ...

— Уфъ...

И добавляли тутъ же ужъ совсѣмъ нахально:

— И вѣчно вы куда-нибудь запропаститесь, господинъ комаръ-капельмейстеръ.

Вообще, какъ про нихъ говорилъ мосье Жоржъ, они были порядочные таки вруны, чтобы не сказать хуже.

— Скорѣй! скорѣй! — кричалъ онъ имъ, — публика уже собирается. Звоните!

Сидоръ летѣлъ въ одну сторону, а Василій въ другую.

— Дзы-ы-ынь! — звенѣлъ Сидоръ.

— Дзы-ы-ынь! — звенѣлъ Василій.

— Слава тебѣ Господи! наконецъ то! — говорили жуки, мошки и бабочки.

Это и была публика: бабочки, мошки и жуки.

Они безпорядочно толпились подъ липами, снуя въ разныхъ направленіяхъ по воздуху.

— По мѣстамъ! — кричалъ Сидоръ.

— По мѣстамъ! — кричалъ Василій.

И оба опять звонили:

— Дзынь... Дзынь...

Публика наконецъ разсаживалась по мѣстамъ.

Нужно сказать здѣсь, что вечеровые концерты насѣкомыхъ совсѣмъ были бы похожи на наши концерты, если бы публика допускалась по билетамъ.

Но билетовъ у насѣкомыхъ не полагалось...

У нихъ, видите ли, типографіи, чтобы печатать билеты, не имѣлось, даже самой маленькой типографіи, и приходилось поневолѣ пускать публику безъ билетовъ...

Всякіе билеты и контромарки замѣнялись расторопностью и распорядительностью Сидора и Василія.

Василій обыкновенно занимался дамами: бабочками и мошками, а Сидоръ мужчинами: жуками.

Мосье Жоржъ внушалъ имъ обращаться съ публикой возможно вѣжливѣй, не кричать, не браниться и непремѣнно мужчинамъ говорить «мосье», а дамамъ «мадамъ».

Это не особенно нравилось Сидору и Василію, но что подѣлаешь!

Они отлично знали, что, въ случаѣ упорства, мосье Жоржъ велитъ просто-на-просто своимъ пѣвцамъ прогнать ихъ.

И они, хотя это совсѣмъ не шло къ нимъ, галантно раскланивались передъ каждымъ посѣтителемъ и говорили:

— Мосье, вотъ ваше мѣсто!

Или:

— Мадамъ, будьте любезны пройти вотъ сюда!

На концертъ однажды явилась одна улитка въ компаніи со слизнякомъ, и только, именно, благодаря распорядительности Сидора и Василія, ей съ ея нѣмымъ кавалеромъ удалось занять вполнѣ удобное мѣсто.

Въ описанный нами вечеръ Сидоръ съ Василіемъ противъ обыкновенія явились подъ липы безъ всякаго зова...

Увидавъ ихъ, мосье Жоржъ чуть было не выронилъ своей дирижерской палочки.

— Какъ! — воскликнулъ онъ, — вы пришли сами!

И вытаращилъ на нихъ глаза такъ, какъ будто бы ему крѣпко сдавили горло.

— Мы имѣемъ вамъ сообщить нѣчто, очень важное,—сказалъ Сидоръ.

— Гмъ, — сказалъ мосье Жоржъ и поглядѣлъ на Василія.

— Да, очень важное, — повторилъ Василій.

— А именно? — спросилъ мосье Жоржъ.

Онъ ни на іоту не вѣрилъ капельдинерамъ.

— А именно, — заговорилъ Сидоръ, — мы вотъ сейчасъ съ нимъ встрѣтились, и я узналъ отъ него новость, которую самъ только что хотѣлъ ему сообщить.

Мосье Жоржъ глядѣлъ на нихъ недовѣрчиво.

Несмотря на замогильный голосъ, которымъ говорилъ Сидоръ, онъ опять не вѣрилъ ему ни на іоту.

— Что же это за новость? — произнесъ онъ съ улыбкой, по которой опять-таки можно было узнать, что онъ не вѣритъ ему ни на іоту.

— На насъ готовится нападеніе, — сказалъ Сидоръ.

— Нападеніе?

— Да.

— Какое нападеніе?

— Говорятъ, здѣсь проявился разбойникъ — одна жаба, и эта жаба хочетъ нынче всю публику и всѣхъ артистовъ поѣсть.

— Ого! — сказалъ мосье Жоржъ...

Онъ попрежнему не вѣрилъ ему ни на полслова.

— Какъ-съ вамъ угодно, — заговорили вмѣстѣ Сидоръ и Василій, — а на сегодняшнюю ночь насъ увольте...

Неизвѣстно, зачѣмъ, собственно, они просили уволить ихъ на сегодняшнюю ночь! Они могли обойтись и безъ этой просьбы, потому что сейчасъ же, даже не дождавшись отъ мосье Жоржа позволенія удалиться, повернулись къ нему спинами и стремительно понеслись прочь...

— Стойте! закричалъ мосье Жоржъ, — стойте, лѣнтяи, обманщики, бездѣльники!

Но они были уже далеко.

Мосье Жоржъ долженъ былъ пригласить другихъ капельдинеровъ.

Онъ, разумѣется, не придалъ никакого значенія словамъ Сидора и Василія и, какъ всегда, въ обычные часы, занялъ свое мѣсто впереди хора комаровъ...

Концертъ начался.

Публики было много; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали комариныя пѣсни...

И никто, никто не думалъ, что тутъ, же подъ липой, притаившись въ травѣ, сидитъ страшный разбойникъ—отвратительная ночная жаба.

Глава II.

Концертъ.

Первое отдѣленіе концерта окончилось.

Публика кричала:

— Браво! Браво!

И хлопала крыльями.

Капельмейстеръ, положивъ на листикъ липы, служившій ему пюпитромъ, свою дирижерскую палочку, раскланивался съ эстрады.

Двѣ переднія лапки онъ держалъ прижатыми къ брюшку, голову скло-

нилъ нѣсколько на бокъ и улыбался, вращая глаза сначала слѣва направо, затѣмъ справа налѣво и потомъ снизу вверхъ.

— Браво! браво!—кричала публика еще громче, еще восторженнѣй.

Теперь это «браво» относилось не къ пѣвцамъ, а къ капельмейстеру...

Сотни восхищенныхъ взоровъ были обращены въ его сторону.

— Ахъ, какъ онъ милъ,—шептали дамы,—какъ онъ граціозенъ!

А мужчины добавляли къ этому, многозначительно покачивая головами:

— Да, да... И гдѣ только онъ учился этимъ поклонамъ, этому шику..

Пѣвцы даже были недовольны такимъ преклоненіемъ передъ ихъ капельмейстеромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ хорошій капельмейстеръ, этого у него никто не отнимаетъ, но нельзя же такъ неистовствовать только за то, что умѣетъ граціозно кланяться!

Это даже вредно для искусства.

И, стоя шеренгой позади мосье Жоржа, они довольно громко и довольно выразительно покашливали:

— Ге-кемъ.

— Кмъ-кмъ.

— Гмъ-гмъ...

Но, разумѣется, на нихъ никто не обращалъ вниманія.

Наконецъ мосье Жоржъ спорхнулъ съ эстрады.

Это опять вышло у него необыкновенно легко и граціозно.

Около него сейчасъ же собралась толпа дамъ: ночныхъ мошекъ и бабочекъ.

Бабочки восторженно заглядывали ему въ глаза, мошки жужжали:

— Мосье Жоржъ, ахъ, мосье Жоржъ!

И больше этого ничего не могли сказать.

Одна бабочка поднесла мосье Жоржу небольшой букетикъ, другая салфетку изъ паутины, расшитую по краямъ зелеными узорами и съ надписью синими буквами посрединѣ:

«Величайшему и геніальнѣйшему капельмейстеру отъ почитателей его таланта».

Мосье Жоржъ опять кланялся.

Онъ улыбался, склонивъ голову немного на бокъ и говорилъ:

— Благодарю.

И снова улыбался...

Мужчины тоже не остались въ долгу передъ мосье Жоржемъ.

Когда мосье Жоржъ, принявъ букетъ и салфетку, прикололъ букетъ на шляпу, а салфеткой тутъ же смахнулъ пыль со своихъ лапокъ, черезъ толпу дамъ къ нему протискался толстый, пузатый жукъ.

Жукъ сказалъ ему:

— Достойному достойное!

И подалъ табакерку, искусно сдѣланную изъ капельки сосновой смолы.

— Благодарю!—сказалъ и ему мосье Жоржъ совершенно такъ же, какъ только что передъ тѣмъ благодарилъ бабочекъ...—Благодарю очень.

Открылъ табакерку и заглянулъ внутрь ея, закрылъ снова и добавилъ:

— Трижды благодарю!

Табакерка оказалась полна душистой пыли жасмина...

За это даже можно было поблагодарить не трижды, а четырежды.

Мосье Жоржъ, впрочемъ, такъ и сдѣлалъ, когда взялъ изъ табакерки щепоть пыльцы и поднесъ къ носу...

— О!—воскликнулъ онъ,—сто разъ благодарю...

Вотъ это дѣйствительно была благодарность, такъ благодарность...

Потомъ мосье Жоржъ чихнулъ.

— Салфетъ вашей милости!—сказалъ жукъ.

— И красота вашей чести,—отвѣтилъ ему въ тонъ мосье Жоржъ.

Все шло вообще своимъ обычнымъ порядкомъ.

А въ то же время тутъ же, въ травѣ, подъ липами сидѣла и ждала своего времени отвратительная ночная жаба.

Жаба смотрѣла вверхъ...

Но пока ея вниманіе занимали не публика и не артисты.

По тонкой длинной паутинѣ къ ней сверху спускался паукъ...

Жаба смотрѣла на него.

Въ ея круглыхъ выпуклыхъ, какъ стекла иллюминатора, глазахъ отражалась цѣликомъ вся фигура паука.

И паукъ самъ видѣлъ себя въ ея глазахъ, какъ въ зеркалѣ.

Паукъ тоже смотрѣлъ на жабу.

Онъ смотрѣлъ и думалъ:

— Какъ она отвратительна, эта лягушка, и какъ я прекрасенъ...

— Развѣ оставить всѣхъ тѣхъ, — думала про него жаба, — и заняться вотъ этимъ.

Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значило:

— Не слопать ли этого паука, а ужъ съ комарами я справлюсь потомъ.

Однако, паукъ далеко былъ не дуракъ... О, онъ очень былъ умный, этотъ паукъ.

Его, правда, разбирало любопытство разглядѣть лягушку поближе, и хотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ полюбоваться и на свое собственное отраженіе въ ея глазахъ...

И онъ уже спустился довольно низко на своей паутинѣ.

Но тутъ какъ разъ во-время онъ приложилъ ко лбу палецъ...

— Нужно,—рѣшилъ онъ,—быть поосторожнѣй и вообще не увлекаться...

И, рѣшивъ такъ, онъ повернулся не хуже любого акробата головой вверхъ.

Жаба, готовившаяся уже открыть пасть, поспѣшно изобразила на своихъ длинныхъ губахъ самую любезную улыбку.

— Куда же вы?—сказала она,—здѣсь такъ хорошо, подождите немного...

Но паукъ не слушалъ ея.

Онъ проворно взбирался вверхъ по паутинѣ, ловко хватаясь за нее то той, то другой лапкой, не оглядываясь назадъ и не говоря ни слова.

Лягушка опять заговорила.

— Боже мой!—воскликнула она,—вы—настоящій матросъ...

На всякій случай она сложила губы въ улыбку, растянувъ ихъ до самаго затылка.

Она ожидала, что паукъ, когда почувствуетъ себя въ безопасности, непремѣнно оглянется и, можетъ быть, спустится опять.

Она такъ же, какъ и паукъ, считала себя красивѣйшимъ въ мірѣ существомъ...

— Улыбка, разумѣется, только усилитъ мою природную красоту,—думала она.

И она растягивала, какъ только можно, свои резиновыя губы.

Паукъ наконецъ остановился.

Онъ дѣйствительно опять повисъ головой внизъ, какъ висѣлъ раньше...

— Добрый вечеръ! — потихоньку крикнула ему снизу жаба.

Паукъ молчалъ.

— Добрый вечеръ,—опять крикнула жаба,—куда же вы ушли?

— Тьфу!—сказалъ паукъ и отвернулъ голову въ сторону.

Онъ снова искалъ кого-то глазами въ густыхъ листьяхъ липы...

И вдругъ онъ словно нашелъ тамъ кого-то—того, кого искалъ.

Онъ сказалъ:

— Ну, поглядите, ну, поглядите, пожалуйста, на это страшилище!

И указалъ лапкой внизъ прямо на лягушку, прямо на ея голову.

— Ну, поглядите, — продолжалъ онъ,—на эти губы! Онѣ у нея больше ея самой!

Лягушка обидѣлась, и, конечно, какъ же тутъ было не обидѣться!

Она раскрыла, было, ротъ, намѣреваясь квакнуть, но во-время опомнилась.

— Еще услышатъ, — подумала она, покосившись въ ту сторону, гдѣ гремѣлъ какую-то веселенькую пѣсенку комариный хоръ.

— У, дурища! — сказалъ паукъ, — и ты думала меня обмануть...

Жабу такъ и подмывало крикнуть ему что-нибудь непріятное, да такъ,

чтобы у него въ ушахъ зазвенѣло, и передъ глазами пошли синіе круги.

На это она была мастерица.

— Дурища и есть,—сказалъ опять паукъ,—да къ тому еще и уродъ!

Онъ спустился на десятокъ сентиметровъ ниже и продолжалъ:

— Вѣдь, ты, я знаю, думаешь, что ты красавица, а ты страшнѣй самой себя...

Лягушка вытаращила глаза... Она вытаращила ихъ потому, что уже вобрала въ себя воздухъ, чтобы гаркнуть, какъ слѣдуетъ, но опять одумалась...

И она довольно долго просидѣла такъ съ вытаращенными глазами—до тѣхъ поръ, пока понемногу не выпустила воздухъ...

Тогда глаза ея приняли нормальный видъ, только въ уголкахъ глазъ паукъ замѣтилъ двѣ слезинки.

— Это отъ натуги,—подумалъ онъ,—погоди-ка, я тебя изведу!

И, крякнувъ, онъ продолжалъ опять, еще спустившись немного по паутинѣ:

— А, вѣдь, признайся, хорошо мною закусить? Ты погляди-ка...

При этомъ онъ выставилъ впередъ одну ногу, потомъ другую...

— Хорошъ?—повторилъ онъ...—А!? Нѣтъ, ты погляди получше!

И тутъ онъ, насколько только могъ, выпятилъ свое круглое брюшко.

— Хорошо!

У лягушки глаза опять выкатились изъ орбитъ...

— Хорошо?

Паукъ повернулся къ ней спиною.

Со стороны можно было подумать, что жаба—портной, а паукъ—заказчикъ...

И заказчикъ показываетъ портному свой только что сшитый этимъ портнымъ костюмъ... Не жметъ ли гдѣ костюмъ, нѣтъ ли гдѣ складокъ?

Лягушка наконецъ не вытерпѣла. Такое поношеніе оказалось ей не по силамъ.

Она раскрыла ротъ во всю ширину и почти съ наслажденіемъ, такъ какъ вы сами знаете, какъ долго она крѣпилась, выкрикнула:

— Самъ ты—дуракъ и уродъ!

— Пропадай все...—Рѣшила она, прислушиваясь къ звуку своего голоса и наслаждаясь отзвукомъ этого голоса въ вѣтвяхъ липы.

Она прекрасно понимала, что и комары-пѣвцы и публика—жуки и бабочки, конечно, услышатъ ее и поспѣшатъ перебраться въ другое мѣсто... Она замѣтила даже одну бабочку съ изображеніемъ мертвой головы на спинѣ, на ея глазахъ упавшую въ обморокъ... Несомнѣнно, значитъ, ее услышали. Но она не могла теперь отказать себѣ въ удовольствіи покричать и поругаться...

И она во второй разъ открыла пасть еще шире, такъ что едва не свихнула челюстей и крикнула еще громче:

— Уродъ и дуракъ!

Паукъ отвѣтилъ ей тоже какимъ-то ругательствомъ, но какимъ, именно, — осталось неизвѣстнымъ, потому что въ ту же минуту подъ ли-

пой сразу раздались сотни комариныхъ, мушиныхъ и жучьихъ голосовъ:

— Спасайтесь: здѣсь лягушка!

— Бѣгите скорѣй!

— Огня!

— Зовите свѣтляковъ!

— Гдѣ свѣтляки, пусть скорѣй зажигаютъ огонь!

Голосъ паука потонулъ совершенно въ общемъ шумѣ и гомонѣ.

Явились свѣтляки.

Въ разныхъ мѣстахъ въ травѣ подъ липой заблистали ихъ огоньки...

Подъ липой сразу стало свѣтло.

— Вонъ она!—крикнулъ одинъ жукъ.

— Гдѣ, гдѣ?—раздались отовсюду возгласы.

— Вонъ она, вонъ она!

Лягушку увидѣли...

— Улетайте, улетайте отсюда!—загудѣли жуки, комары и мошки.

Нѣсколько бабочекъ упало въ обморокъ, но ихъ сейчасъ же привели въ чувство.

Минуту спустя подъ липой остались только паукъ да лягушка.

Паукъ висѣлъ на своей паутинѣ, а лягушка сидѣла въ травѣ. И тотъ и другая молчали. Дѣло въ томъ, что они перебирали въ умѣ самыя обидныя ругательства, но всякое приходившее на умъ ругательство казалось имъ мало вразумительнымъ для опредѣленія недостатковъ каждаго.

Глава III.

Новое нападеніе.

публика и артисты перебрались изъ-подъ липы на противуположную сторону.

— Ну что же,— обратился мосье Жоржъ къ своимъ пѣвцамъ,—будемъ мы продолжать пѣть?

Артисты отрицательно закачали головами.

— Нѣтъ,—отвѣтили они въ одинъ голосъ:—куда тамъ!

— Эхъ!—воскликнулъ мосье Жоржъ и махнулъ своей палочкой.—Ну кто хочетъ?

Онъ оглянулся по сторонамъ и повторилъ свое предложеніе:

— Кто хочетъ?

Однимъ словомъ, вѣрный своему дѣлу, онъ рѣшилъ вызвать пѣвцовъ изъ публики.

— Кто хочетъ?

Но и публика, очевидно, была теперь настроена совсѣмъ не на пѣвческій ладъ.

— Эхъ!—опять крикнулъ мосье Жоржъ, ударивъ палочкой по вѣткѣ.

— Ну!..

И снова обвелъ публику подбадривающимъ взоромъ...

Публика, однако, безмолствовала...

Только одни жуки гудѣли потихоньку:

— У-у-у-гу-у...

— Ну-ну! — крикнулъ имъ мосье Жоржъ,—идите сюда, идите, господа!

— Да мы не поемъ,—откликнулись жуки,—мы это такъ, между собой.

— Когда такъ,—воскликнулъ мосье Жоржъ,—то я буду пѣть одинъ!

И, ко всеобщему удивленію, онъ вдругъ запѣлъ жиденькимъ теноркомъ:

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ...

Но сейчасъ же сконфузился и умолкъ.

— Гмъ,—сказалъ онъ, опустивъ голову,—это что-то не то...

Потомъ поднялъ голову и, вперивъ мечтательный взоръ въ толпу жуковъ и бабочекъ, проговорилъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь:

— А теперь я буду импровизировать!

— Ахъ!—воскликнули бабочки.

— Гмъ,—сказали жуки, покосившись на него недовѣрчиво...

— Гмъ,—загудѣли тоненькими голосами и мошки,—гмъ-гмъ.

Мошки тоже поглядывали на мосье Жоржа съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

Однако, послѣ этого заявленія знаменитаго маэстро всѣ придвинулись къ нему поближе.

Раздались обычныя въ такихъ случаяхъ покрякиваніе, покашливаніе, послышались возгласы:

— Ахъ, вы мнѣ отдавили ногу.

— Ахъ, вы невѣжа!

А кто-то даже крикнулъ просто:

— Невѣжа!

Мосье Жоржъ стоялъ на листочкѣ черемухи по-прежнему молча со взоромъ, устремленнымъ въ волновавшуюся около него толпу.

Но, казалось, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ...

— Онъ сочиняетъ,—шепнула одна бабочка другой,—посмотрите, мадамъ...

Голосъ у бабочки на секунду пресѣкся... Въ глазахъ появилось восторженное выраженіе. И въ то же время казалось, будто она подавилась или поперхнулась.

— Посмотрите,—закончила она,—какой у него мечтательный видъ!

— О, да!—такъ же восторженно отозвалась другая бабочка.

— Настоящій поэтъ...

— Именно, поэтъ.

— Жаль только, что у него нѣтъ голоса, а то и совсѣмъ бы хорошо было... Вѣдь, конечно же, онъ будетъ пѣть...

Такими словами обмѣнивались поклонницы мосье Жоржа.

А мосье Жоржъ по-прежнему ничего не видѣлъ и не слышалъ...

Вдругъ онъ поднялъ одну лапку, а другую приложилъ къ груди и произнесъ:

— Вниманіе!

— Слушайте, слушайте!—загудѣли жуки.

Мосье Жоржъ поднялъ глаза къ верху и запѣлъ:

* *
*

Убѣжали вы отъ жабы
Такъ, какъ ночь бѣжитъ отъ дня;
Поглядѣли вы когда бы
Нападенію этой жабы
Вдругъ подвергся я...

* *
*

Что такое ваша жаба?
Жаба—это ерунда!
Невоспитанная баба,
Вотъ кто жаба, господа!

* *
*

Непонятны ей стремленья
Въ высь парящихъ нѣжныхъ чувствъ,
Никто не смыслитъ въ пѣньи
Въ этомъ, высшемъ изъ искусствъ!

* *
*

Притаившись подъ кустами,
Ждетъ она, чтобъ мы гурьбой
На нее накинулися сами,
Мы, прозрѣнные судьбой.

* *
*

Стоитъ только намъ собраться
Воедино господа,
Чтобы больше не пугаться
Встрѣчи съ жабой никогда!

* *
*

Въ единеньи сила, гдѣ-то
Я читалъ, изрекъ мудрецъ.
Такъ пускай призывъ поэта
Отзвукъ дастъ въ глубь сердецъ!

* *
*

Соберемся жъ воедино:
Мошекъ, мушекъ шумный рой,
Весь оркестръ нашъ комариный
И ударимъ смѣло въ бой...

* *
*

И тогда, повѣрьте, жаба
Намъ не сдѣлаетъ вреда;
Не забудьте, то, вѣдь, баба,
Дура баба, господа.

* *
*

И тогда никто не тронетъ
Въ цѣломъ мірѣ насъ...
Въ морѣ звуковъ лѣсъ потонетъ,
Въ полуночный сладкій часъ.

Мосье Жоржъ умолкъ...

Нѣсколько секундъ онъ стоялъ молча, потомъ вздохнулъ и сказалъ:

— Нѣтъ, больше не могу... Позвольте ужъ лучше прозой.

И онъ дѣйствительно закончилъ свое стихотвореніе прозой.

Онъ сказалъ:

— Это, видите ли, оттого, что я не поэтъ, а то бы я все до конца договорилъ стихами.

Тутъ онъ потеръ лобъ лапкой, будто вспоминая что-то, и проговорилъ, смотря себѣ подъ ноги:

— Да, о чемъ, бишь, я?

И опять умолкъ...

— А насчетъ муравьевъ,—сказалъ одинъ жукъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ.

— Ахъ, да!..—воскликнулъ мосье Жоржъ,—именно. Такъ вотъ, господа, видите ли, въ чемъ дѣло: если одинъ муравей, допустимъ, нападетъ на лягушку, къ нему сейчасъ сбѣгутся всѣ муравьи, а мы что? Мы сейчасъ вразсыпную...

Мосье Жоржъ вздохнулъ...

— Это вѣрно,—согласился жукъ.

— Вѣрно, — сказали и другіе жуки.

Затѣмъ одинъ изъ жуковъ помахалъ крыломъ и закричалъ на весь садъ,— совершенно такъ, какъ это дѣлалъ мосье Жоржъ, когда хотѣлъ обратиться къ публикѣ съ рѣчью:

— Вниманіе!

Всѣ притихли.

— А что вы думаете насчетъ летучихъ мышей—вампировъ? — сказалъ жукъ.

Сказавъ это, онъ крякнулъ и окинулъ все собраніе значительнымъ взглядомъ.

— Что вы думаете?—повторилъ онъ.

Мосье Жоржъ вздрогнулъ.

— Да,—проговорилъ онъ,—вампиръ, это... это... какъ вамъ сказать...

— Это—ужасъ,—закончилъ за него жукъ.

— Именно, ужасъ,—сказалъ мосье Жоржъ.

— Но, позвольте,—вмѣшалась въ разговоръ бабочка, — развѣ это не одни розсказни?

— Про вампира-то? — произнесъ жукъ и взглянулъ на бабочку съ улыбкой...—Нѣтъ-съ, это не розсказни.

— И правда, — продолжала ба-

бочка, — что они пьютъ кровь?..

Бабочка даже глаза закрыла.

— Ахъ, какой ужасъ!—проговорила она.

— Правда-съ,—сказалъ жукъ... Только, изволите ли видѣть, они водятся въ Америкѣ, и вамъ нечего опасаться, что они высосутъ у васъ кровь, да къ тому же у васъ и нѣтъ крови.

И онъ добродушно усмѣхнулся:

— Хе-хе-хе!

— Да,—заговорилъ мосье Жоржъ,—это вѣрно, что есть такія летучія мыши, которыя накидываются на спящаго человѣка и сосутъ у него кровь, но это, конечно, ерунда, будто человѣкъ можетъ послѣ того умереть.

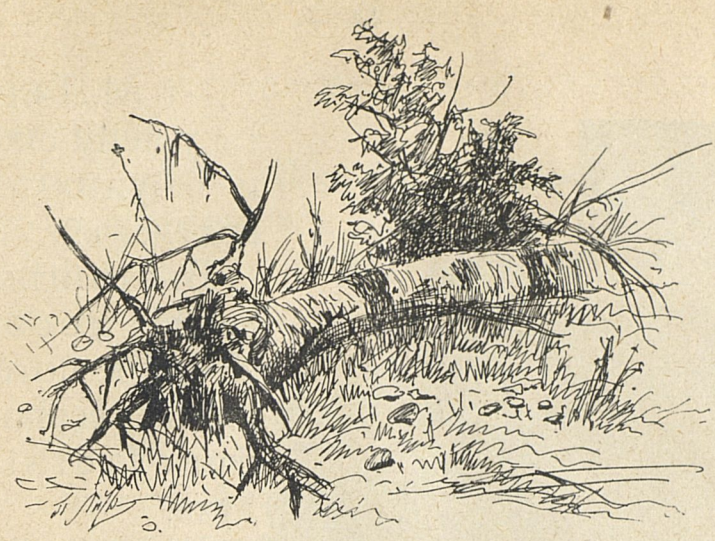
Бабочка съ облегченіемъ вздохнула.

Можно было подумать, что ее необыкновенно интересуютъ судьбы человѣчества..

По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе произвелъ ея вздохъ на мосье Жоржа, и онъ уже собирался сказать ей комплиментъ по этому поводу, но въ эту минуту свѣтляки, стоявшіе со своими фонариками внизу, въ травѣ, закричали:

— Вампиръ! вампиръ! Спасайтесь...

Поднялась невообразимая суматоха.



Глава IV.

Неожиданная помощь.

Свѣтляки закричали какъ разъ вовремя, потому что едва замолкъ ихъ крикъ, — между деревьями появилась летучая мышь...

Летучая мышь крикнула:

— Ага, голубчикъ!

И, уцѣпившись ногой за одну изъ вѣтокъ, повисла на ней головой внизъ.

Она уставилась своими маленькими черными глазками прямо на мосье Жоржа и крикнула опять, грозя ему свободной лапой:

— А!..Такъ ты у меня еще и бунтовать вздумалъ!

Въ это мгновеніе мосье Жоржъ потерялъ всякое присутствіе духа.

Бѣдный мосье Жоржъ!

Онъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, склонивъ голову и сложивъ на брюшкѣ переднія лапки...

— Ага! — снова немного хриплымъ голосомъ крикнула летучая мышь.

А мосье Жоржъ молчалъ и не двигался, словно зачарованный...

— Какъ же ты смѣлъ,—

сказала летучая мышь,—нѣтъ, ты скажи мнѣ!..

Къ мосье Жоржу наконецъ мало-по-малу вернулся даръ слова...

Онъ съ умоляющимъ видомъ поднялъ глаза и произнесъ:

— Извините...

И умолкъ снова...

По тѣлу его пробѣжала дрожь...

Онъ и вообще не могъ безъ содроганія смотрѣть на летучихъ мышей...

— Извините,—повторилъ онъ, хотѣлъ сказать еще что-то, но голосъ его пресѣкся...

Онъ чувствовалъ, что языкъ его сдѣлался все равно какъ лыко, и онъ не можетъ владѣть имъ по своему усмотрѣнію.

— О Боже,—подумалъ онъ...

— Что же ты молчишь?—крикнула летучая мышь, разминая плечо.—А?

Но что, въ самомъ дѣлѣ, могъ ей сказать мосье Жоржъ!

Собственно, онъ не сознавалъ себя виноватымъ ни на одну минуту...

И, поднявъ опять голову, онъ посмотрѣлъ на летучую мышь такимъ взо-

ромъ, какимъ обыкновенно смотрятъ всѣ живыя существа въ мірѣ на своего врага, когда хотятъ его разжалобить или расположить въ свою сторону.

Но этотъ взглядъ произвелъ на мышь совсѣмъ обратное дѣйствіе.

Она простерла свою лапку по направленію къ мосье Жоржу...

Мосье Жоржъ въ то же мгновенье закрылъ глаза: онъ видѣлъ, какъ мышь задвигала коготками въ воздухѣ, точно царапала воздухъ...

Потомъ мышь крикнула:

— У, подхолима!

На глазахъ у мосье Жоржа выступили крупныя слезы...

Мышь продолжала:

— Какъ же ты смѣлъ мутить насѣкомыхъ? Знаю я, знаю, все знаю!

Мосье Жоржъ понималъ, что, если онъ не сумѣетъ оправдаться передъ чудовищемъ, значитъ, онъ погибъ, погибъ безвозвратно...

И, собравъ всю свою храбрость, онъ произнесъ тихо:

— Что же я сдѣлалъ?

— Ты!—крикнула летучая мышь,— ты что сдѣлалъ?

Она на минутку умолкла и затѣмъ продолжала съ гнѣвомъ:

— А кто сочинилъ эти дурацкія стихи относительно лягушки?

Тутъ она опять умолкла и устремила на мосье Жоржа грозный и вмѣстѣ испытующій взглядъ.

Мосье Жоржъ молчалъ.

— Ну кто?

И, не дожидаясь, что отвѣтитъ мосье Жоржъ, она сама отвѣтила за него:

— Ты!

И снова простерла лапу по направленію къ нему.

— Ты!—повторила она

— Виноватъ, — прошепталъ мосье Жоржъ,—виноватъ! Простите...

Мосье Жоржъ унылымъ взоромъ глядѣлъ по сторонамъ.

Онъ понималъ, что ему не отъ кого ждать помощи, но онъ все-таки надѣялся...

На что?

Онъ и самъ этого не зналъ, но, вѣдь, кому же пріятно разставаться съ жизнью!

И онъ глядѣлъ по сторонамъ и перебиралъ въ умѣ всѣхъ знакомыхъ ему ночныхъ животныхъ, которыя могли бы справиться съ летучею мышью...

Мышь эта была, разумѣется, не американская мышь, не вампиръ, но все-равно, мосье Жоржу казалось, что отъ одного ея взгляда неописуемый ужасъ долженъ объять всякое животное...

И онъ произнесъ про себя, съ грустью качая головою:

— О, Боже, зачѣмъ ты бросилъ насъ, беззащитныхъ насѣкомыхъ, на произволъ судьбы!..

А летучая мышь, не спуская съ него глазъ, продолжала:

— Нечего запираться, голубчикъ... И вотъ пришло время расплаты...

Съ каждою минутой летучая мышь приходила все въ большую ярость...

Глаза ея горѣли, пальцы на лапкахъ судорожно сжимались...

Часъ расплаты, дѣйствительно, приближался...

Вдругъ летучая мышь снялась съ вѣтки и перелетѣла на другую...

Теперь она была ужъ совсѣмъ близко отъ мосье Жоржа.

— Готовься!—крикнула она.

Мосье Жоржъ закрылъ глаза и мысленно проклялъ день и часъ своего рожденія.

Въ эту минуту по саду пронеслись душу раздирающіе крики:

— У-у-у! У-у-у!

Казалось, кто-то кого-то схватилъ за горло и тотъ, кого схватили за горло, объятый ужасомъ, готовъ упасть въ обморокъ...

Мосье Жоржъ затаилъ духъ.

Снова раздался полный отчаянія и ужаса долгій, протяжный крикъ...

— У-у-у! А я-то вотъ онъ...

Теперь мосье Жоржъ отказывался понимать что-либо...

Смыслъ словъ, гудѣвшихъ въ его ушахъ, подобно предсмертному стону, былъ совсѣмъ не такой, совсѣмъ не вязался съ этимъ стономъ.

Это было все равно, какъ если бъ кого-либо, дѣйствительно, схватили за горло, а тотъ, кого схватили, какъ ни

въ чемъ не бывало, вздумалъ бы отплясывать казачка...

Мосье Жоржъ приставилъ лапку ко лбу и подумалъ:

— Тутъ что-нибудь да не такъ.

Теперь уже онъ не испытывалъ такого ужаса, какъ раньше.

Онъ чувствовалъ инстинктивно, что дѣло, очевидно, начинаетъ принимать другой оборотъ...

Снова и уже гораздо ближе повторился этотъ странный крикъ:

— У-у-у!

И затѣмъ вмѣстѣ съ шумомъ огромныхъ крыльевъ въ воздухѣ прозвучали слова:

— Попалась, голубушка!

Мосье Жоржъ ясно и отчетливо разслышалъ эти слова, относившіяся, разумѣется, не къ нему, произнесенныя гнусавымъ голосомъ.

Онъ открылъ глаза и остолбенѣлъ.

Прямо надъ нимъ парила въ воздухѣ огромная сова...

Мосье Жоржъ никогда въ жизни не видалъ такихъ страшныхъ большихъ круглыхъ глазъ.

— Боже! — воскликнула летучая мышь,—филинъ!

И въ одно мгновенье, сорвавшись съ дерева, перепорхнула на нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Вижу! вижу! — закричалъ филинъ,—я, слава тебѣ, Господи, не слѣпой...

Онъ взмахнулъ крыльями и въ одну минуту очутился возлѣ летучей мыши.

— Ну что!—крикнулъ онъ:—ты думала охотиться въ моихъ владѣніяхъ, да, видно, забыла, что дядюшка филинъ, благодареніе Богу, ночью все видитъ.

— Ой!—произнесла летучая мышь сдавленнымъ голосомъ.

Мосье Жоржъ подумалъ, что филинъ уже вцѣпился въ нее когтями, но до этого было еще далеко...

Прежде, чѣмъ расправиться съ мышью, какъ слѣдуетъ, филинъ хотѣлъ выругать ее тоже, какъ слѣдуетъ.

И онъ началъ:

— Ахъ ты, безсовѣстная!

Это было первое бранное слово,

которымъ онъ обыкновенно всегда начиналъ свои ругательства.

— Ваше благородіе, — выкрикнула летучая мышь, поднимая на него заслезившіеся глазки.

— Разбойница!

— Ваше благородіе!

— Браконьеръ!

— Ваше благородіе!

— Мышь ползучая!

— Ваше благородіе...

Вообще у нихъ начался очень миленькій дуэтъ.

А мосье Жоржъ тѣмъ временемъ пришелъ въ себя и, разумѣется, не сталъ дослушивать до конца этого дуэта.

Онъ полетѣлъ прочь такъ стремительно, что едва не вывихнулъ себѣ крыльевъ...

Что же касается до филина и летучей мыши, то летучая мышь въ концѣ концовъ получила-таки хорошаго тумака отъ филина и свалилась прямо внизъ въ траву.

Правда, она сейчасъ снова появилась надъ деревьями, но лучше бы ей

было оставаться спокойно сидѣть внизу, потому что филинъ, какъ только ее увидѣлъ, налетѣлъ на нее...

Мышь бросилась прочь; филинъ кинулся за нею и скоро они скрылись оба за деревьями.

. . . . . .

Читатель недоумѣваетъ, можетъ быть, почему я до сихъ поръ ни словомъ не обмолвился о насѣкомыхъ, присутствовавшихъ на комариномъ концертѣ...

Но видите ли, въ чемъ дѣло. О нихъ, собственно, нечего и говорить, потому что, какъ только они увидѣли летучую мышь, то тутъ же сразу всѣ и попадали въ обморокъ.

Потомъ мосье Жоржу было съ ними много возни, пришлось даже сбѣгать въ аптеку къ одному шмелю, и шмель даже выругалъ мосье Жоржа полуночникомъ...

Мосье Жоржъ все-таки выпросилъ у него цвѣточнаго одеколону, при помощи котораго и привелъ въ чувство всю компанію.

Теперь читатель можетъ спросить, почему же самъ мосье Жоржъ не упалъ въ обморокъ?

Мосье Жоржъ?.. О, мосье Жоржъ былъ самый храбрѣйшій комаръ изъ всѣхъ комаровъ въ той мѣстности...

Я даже навѣрное знаю, что у него было нѣсколько медалей за спасеніе погибающихъ...

669

$\frac{a}{m}$

2007088596